

«Исламский фактор в контексте узбекско-афганских двусторонних отношений»

Урдашев Азамат Бахтиёрович
преподаватель, Узбекский государственный университет мировых
языков, (+99890 355-65-99, aurdashev@gmail.com)

Аннотация: в данной статье рассматривается исламский фактор в контексте перспектив узбекско-афганских двусторонних отношений, при этом фокус делается на аспектах и тенденциях, которые могут носить дестабилизирующий характер с учетом приоритетов Концепции внешней безопасности Республики Узбекистан.

Abstract: This article examines the Islamic factor in the context of the prospects for Uzbek-Afghan bilateral relations, focusing on aspects and trends that could have a destabilizing effect, taking into account the priorities of the Republic of Uzbekistan's Foreign Security Concept.

Ключевые слова: Исламский Эмират Афганистан, пуштуны, Талибан, Конец XX и начало XXI вв. ознаменовались появлением на границе с Республикой Узбекистан Исламского Эмирата Афганистан под единоличным управлением военно-политического движения «Талибан», изначальная идея создания которого предусматривала формирование и мобилизацию молодежных националистически ориентированных пуштунских группировок исламского ортодоксального толка в изгнании на вооруженную борьбу с ограниченным контингентом советских войск в Афганистане. Никогда в истории пуштуны единолично не доминировали на Севере Афганистана, где традиционно местные элиты были представлены узбеками, таджиками и хазарейцами, составлявшими т.н. буферную зону безопасности. Ввод сил НАТО во главе с США после терактов 11 сентября 2001 года только на пару десятилетий отсрочил установление правления Талибов до границы с Узбекистаном, ознаменовавшего моноконфессиональную картину под властью одной этнической группировки.

Религиозный фактор традиционно был одним из доминирующих культурных, социальных и политических сил в истории Афганистана. Исторически различные версии ислама распространились по неоднородному географическому ареалу страны, которая впоследствии получила свое нынешнее название, отражая этническое разнообразие населения через столь же разнообразные формы религиозной практики. В нынешнюю эпоху эти многочисленные версии ислама служили мощными социально-политическими ресурсами, предоставляя идеологию и организации как для государственной, так и оппозиционной мобилизации. Даже несмотря на то, что религия использовалась в качестве национального стержня исламской республики, а теперь полиэтнического эмирата под властью Талибан, ислам сохранял, как созидательный, так и дестабилизирующий потенциал в разнородном социуме. Однако, несмотря на всеобщее признание центральной роли ислама в исторической ретроспективе, недостаточное научно-исследовательское внимание зачастую приводит к редуцированному инвариантному восприятию ислама в Афганистане.

Помимо нескольких монографий, посвященных конкретным моментам или движениям (преимущественно моджахедам и Талибану), отсутствует обзор траекторий развития религиозности в Афганистане на протяжении истории. Исследования фрагментарны за период до советского вторжения 1979 года, что затрудняет определение места фундаменталистских движений с 1980-х годов в контексте более ранних моделей религиозной деятельности, как местных, так и транснациональных. И для восполнения этого пробела важно освещение работ международных специалистов по разным периодам, регионам языкам, которые могут составить более полную, сравнительную и развивающуюся картину ислама в Афганистане с VIII века до наших дней. Цель – предоставить глубокий, критический и всеобъемлющий обзор основных событий и преобразований ислама с раннего средневековья до современности на территориях, которые сегодня составляют Афганистан. Учитывая разнообразие источников и языков, необходимых для такого проекта — персидский, пушту и узбекский, а также арабский и урду – уместен отбор авторов на основе их предыдущих исследований с использованием устных и

письменных свидетельств на этих языках. Поскольку авторы являются специалистами по различным периодам и движениям, их тематические исследования различных форм мусульманской религии позволят нам увидеть за объединяющей риторикой ислама его разнородные и даже расколотые проявления.

Именно по этой причине уместно рассматривать «версии ислама» в социально-научном множественном числе, а не в теологическом единственном. Отчасти такое употребление термина является попыткой выйти за рамки упрощенных и эмических представлений об уникальности и единстве ислама. Выход за пределы таких внутренних дискуссий способствует аналитическому распознаванию религиозных различий, которые так часто становились источником или оправданием социальных разногласий и насилия. Эта плюралистическая формула позволяет нам также признать культурное разнообразие богатого религиозного наследия Афганистана. Таким образом, цель состоит в том, чтобы найти баланс между критическим дистанцированием и сочувственным признанием религиозной истории, которая для разных групп была источником, как утешения, так и угнетения.

Безусловно, использование термина «Афганистан» для объединения исследований средневекового и современного периодов сопряжено с определенными трудностями. Как национальное государство Афганистан приобрел форму и название только в период между концами XVIII и XIX вв. По всей видимости, это название не было официально принято в самом регионе до 1870-х годов. Ранее этот регион понимался как совокупность различных территорий, таких как Хорасан и Туркестан, которые иногда управлялись одним правителем, а чаще были разделены между разными правителями. Тем не менее, коллективное национальное название «Афганистан» помогает нам легко представить рассматриваемое географическое пространство, и сосредоточиться на его религиозных преобразованиях на протяжении времени. Как показывают результаты исследования, позднее полиэтническое государство Афганистан унаследовало религиозные институты, власти и практики, которые возникли в его бывших фрагментарных частях.

Еще одной причиной для использования формулы «ислам Афганистана» вместо более краткой «афганский ислам» является то, что многие из мусульманских народов не идентифицировали себя как афганцы. Действительно, до начала XX века, когда термин «афганец» стал официальным государственным бюрократическим термином, обозначающим общую национальную идентичность, он на протяжении веков обозначал более узкую этническую идентичность, эквивалентную тому, что мы сейчас называем пуштунами (или патанами). Даже сегодня термин «афганец» вызывает большие споры среди граждан Афганистана. По этим причинам использование нами более инклюзивного выражения «ислам Афганистана» направлено на то, чтобы объединить (но не смешать) разнообразные мусульманские традиции, сформированные различными народами, унаследовавшими территории, которые впоследствии образовали национальное государство Афганистан. Это двойное значение – как разнообразия, так и наследия – имеет важное значение так как позволяет нам разобраться в отношениях – будь то сосуществование или конфликт, преемственность или изменение – между различными религиозными формами в одном и том же географическом пространстве. Благодаря как конкуренции, так и компромиссу, религиозные институты, практики, авторитеты и традиции, основанные ранее, были переданы более поздним периодам, чтобы сформировать различные версии ислама, которые позднее мусульмане в регионе, который мы сейчас называем Афганистаном, решили уважать или отвергать.

В обозначенном ракурсе актуален ретроспективный обзор ислама в Афганистане и резюме существующих научных работ по данной теме. Сопоставительный обзор существующих экспертных знаний об афганском исламе должен включать в себя общий обзор истории и антропологии ислама в Афганистане из всех доступных на сегодняшний день, структурирование изложения в хронологическом порядке, следуя за появлением, распространением и диверсификацией различных версий ислама в Афганистане с VIII по XXI век, что помогает, как ориентироваться в более специализированных аспектах рассматриваемого предмета исследования,

посвященных конкретным исследованиям, так и обращать внимание на пробелы экспертного порядка.

В рамках поставленной общей цели работы - создать обзорную картину ислама в Афганистане в ракурсе выстраивания отношений с сопредельными государствами – предпринята попытка лаконично изложить существующие научные исследования в хронологическом порядке, отражающие появление, распространение и диверсификацию различных версий ислама в Афганистане на протяжении тринадцати веков. При этом акцент сделан детальном представлении об авторитетах, институтах и практиках разных периодов. Обобщение полувекового опыта научных исследований по исламу в Афганистане, как в области гуманитарных, так и социальных наук, демонстрирует как масштабы, так и ограничения экспертных знаний о том, что известно и что неизвестно о религиозной истории Афганистана с охватом периода от первоначального обращения Афганистана в ислам до появления устойчивых институтов в средневековый период и более поздних религиозных программ моджахедов и талибов.

Отдельные разделы сосредоточены на исторических и литературных исследованиях периодов до середины XX века, с переходом к социально-научным для обсуждения изысканий, посвященных более поздним десятилетиям. Такого рода дихотомия в целом отражает характер, с одной стороны, текстовых и искусствоведческих исследований, которые легли в основу нашего понимания религиозной истории Афганистана до XXI века, а с другой стороны, антропологических и политологических исследований, которые сформировали наше представление о религиозности в настоящее время.

Степень научной разработанности проблемы. Несмотря на все внимание, уделяемое Афганистану со стороны СМИ и военных, факт остается фактом: мы по-прежнему знаем гораздо меньше о его религиозном наследии, чем об истории ислама почти во всех соседних странах Ближнего Востока и Южной Азии. Хотя научное понимание религиозности Афганистана было сформировано в основном учеными и администраторами, работавшими в колониальный период британского и российского правления над соседними

Индией и Туркестаном, одной из причин их игнорирования является то, что такие работы — например, британца Генри Раверти (1825–1906), француза Жака Дарместетера (1849–94) и немца Бернхарда Дорна (1805–81) – уже гораздо более известны, чем труды более профессиональных ученых, многие из которых имели доступ к гораздо более широкому спектру источников. Но причина также заключается в том, что, независимо от их внутренней ценности, исследования колониальной эпохи уже оказали гораздо большее влияние, чем они заслуживают. Во многом это преувеличенное влияние объясняется легкой доступностью этих работ, в том числе благодаря частым переизданиям, что побудило многих мнимых экспертов полагаться на них вместо более надежных и актуальных работ, опубликованных в менее доступных изданиях. В попытке выйти за рамки этого сомнительного сговора колониального ориентализма и современной журналистики, упор делается на массив менее известных работ научно-исследовательского характера. В то же время направленность исходит из того, чтобы дать объективное представление о пределах экспертных знаний на основе того, что было и не было исследовано.

Список источников:

1. Cited in C. Edmund Bosworth, “The Coming of Islam to Afghanistan,” in Yohanan Friedmann (ed.), *Islam in Asia*, vol. 1 (Jerusalem: Magnes Press, 1984), p. 13.;
2. Erica C.D. Hunter, “The Church of the East in Central Asia,” *Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester* 78 (1996), pp. 129–42. On Herat, see pp. 131–34.;
3. Gianroberto Scarcia, “Sull’ultima ‘islamizzazione’ di Bāmiyān,” *Annali dell’Istituto Universitario Orientale di Napoli*, new series, 16 (1966), pp. 279–81.
4. Paul Schwarz, “Bemerkungen zu den arabischen Nachrichten über Balkh,” in Jal Dastur Cursetji Pavry (ed.), *Oriental Studies in Honour of Cursetji Erachji Pavry* (London: Oxford University Press, 1933).
5. “Coming of Islam to Balkh,” in Marie Legendre, Alain Delattre, and Petra Sijpesteijn (eds.), *Authority and Control in the Countryside: Late Antiquity and Early Islam* (London: Darwin Press, forthcoming).

6. Geoffrey Khan (ed.), Arabic Documents from Early Islamic Khurasan (London: Nour Foundation/Azimuth Editions, 2007).
7. Arezou Azad, Sacred Landscape in Medieval Afghanistan: Revisiting the Faḍā'il-i Balkh (Oxford: Oxford University Press, 2013).

GLOBAL SCHOLARS
SCIENTIFIC PUBLISHING